

"Это плохо кончится, Томаш," - холодно сказал седовласый мужчина на дисплее.

Иероним Мазур был очень подтянутым и - обычно - очень загорелым, непревзойденным яхтсменом, который проводил каждое мгновение, которое мог украсть из своего напряженного графика на воде. На данный момент, его загар был несколько светлее, чем обычно, потому что в прошлый месяц или около того он застрял вне планеты, сосредоточившись на пребывании вне досягаемости Крестового Похода Свободомыслия. Это было мудро с его стороны, подумал Томаш Шпондер. По многим причинам.

Не в последнюю очередь потому, что казалось, что это работает.

"Я получил сообщение около часа назад," - продолжил Мазур. "Комиссар Рэдиссон информирует меня, что Управление Пограничной Безопасности и Пограничный Флот готовы поддержать восстановление законного правительства. Когда они это сделают, все будет еще хуже для всех тех маленьких людей, о которых вы так заботитесь." Его улыбка была даже холоднее, чем голос. "Я действительно думаю, что вам лучше выпустить Крживицкую и остальных и заключить с нами соглашение на лучших условиях, прежде чем сюда придут солариане. Учитывая, как долго мы знаем друг друга, и насколько близки наши семьи, я даже дам вам девяносто дней, чтобы вывести инвестиции из Влоцлавека, прежде чем я вышвырну вашу задницу из моей звездной системы навсегда."

"Интересный выбор местоимений, Иероним." Тон Шпондера был столь же холоден. "Ваша звездная система. Я ценю вашу щедрость, но такие убления, как вы, однажды умыкнули движение Владимира. Я не думаю, что мы позволим сделать это снова."

"Полагаю, ваши преданные последователи увидят все в другом свете, когда придут интервенционные батальоны и морская пехота. И предупреждаю, если дело дойдет до драки, если убьют много людей, вы никуда не пойдете, кроме суда за массовое убийство."

"И я уверен, что это будет совершенно справедливый суд." Шпондер презрительно фыркнул. "И не пытайтесь мне сказать, что вас беспокоит гибель людей, Иероним! То, что вас беспокоит - это ущерб, который боевые действия нанесут инфраструктуре АЭМ на планете. Поверьте мне, это будет по крайней мере так серьезно, как вы можете себе представить. Потому что эти "маленькие люди", о которых я так беспокоюсь, сыты по горло Олигархией и Аппаратчиками. Я сомневаюсь, что они отдадут свое оружие обратно мне, чтобы я мог сдать его, даже если я попрошу их, и вы - и проклятые солли - сыграете в ящик, пытаясь отобрать его у них."

"Тогда я не думаю, что есть большой смысл продолжать этот разговор, не так ли?" - насмешливо сказал Мазур. "Мое предложение открыто до тех пор, пока Пограничный Флот не доберется сюда, но вы знаете, как работает УПБ, так же хорошо, как и я. Если не будет законного местного правительства у власти, когда придут солли, они установят марионетку, и после этого они выжмут из этой системы все, что могут за следующий Т-век. Поверьте мне, тогда вашим друзьям и соседям будет намного хуже."

Он презрительно щелкнул выключателем, прерывая связь, и Шпондер откинулся в кресле.

Проклятье, он прав, черт бы его побрал, мрачно подумал он.

Если бы только Мазур и Тимофей Митерновский пришли на празднование Дня Председателя! Если бы Мазур был в его руках, остальная Олигархия поколебалась бы. В любом случае, они, возможно, собрались бы вместе и отправили за солли, но это заняло бы гораздо больше

времени. И с Крживицкой и Митерновским в его руках, у них не было бы права утверждать, что они представляют законное правительство системы. Особенно не тогда, когда усилиями его с Гражиной, и - особенно - Изабелле Земковской удалось добиться согласия Шимона Земковского поддержать не просто свержение Крестовым Походом режима Крживицкой, но и новую Конституцию. Ту, которая отменила бы ограничение занимать все государственные должности только членам партии, которое в первую очередь позволило аппаратчикам узурпировать власть.

К сожалению, в то время как это дало им контроль над столицей и официальными органами власти, Крживицкая решительно отказалась иметь что-то общее с их усилиями. И с Митерновским, доступным Мазуру, чтобы трясти им как единственным членом законно сформированного правительства, который не был в руках "восставших", - и, таким образом, единственным, о ком образчики добродетели в Управлении Пограничной Безопасности могли знать, что он не "действует под давлением" - не имеет значения, что Земковский и Палата Депутатов, да и если уж на то пошло, все официальное правительство, поскольку контроль Движения Национального Обновления за чем-то, кроме позиции Председателя, всегда был косвенным, не хотели вмешательства солариан. Несомненно, как только УПБ завершит смещение нынешнего правительства, они проведут скрупулезно свободные и открытые выборы, чтобы создать новое.

Его зубы скрежетали, когда он размышлял об этом... и о том, что случится с каждым, кто поддержит его людей. Но манти опаздывали уже на две недели. Только его советники знали расписание, с которым согласились начальники Дюпона Мвенге. Они, как и он, продолжали надеяться, что КФМ был просто вынужден задержаться. И что они скоро придут.

Но также, как и он, они начали сталкиваться с отвратительной возможностью - на самом деле, вероятностью - что мантикорцы вообще не придут. Что они никогда и не собирались прийти... и что он, Томаш Шпондер, обрек последнюю надежду своей звездной системы на свободу, позволив использовать себя в качестве одноразовой кошачьей лапы, чтобы отвлечь внимание солариан от Звездной Империи.

Еще неделю, - мрачно подумал он. Я дам им еще одну неделю. Но потом...

Он покачал головой, его лицо было мрачным, и устало потер глаза.

* * *

Катер аккуратно пристыковался. Люк открылся, и Хелен Зилвицкая попыталась не пританцовывать на месте, пока она ждала позади коммодора Терехова и командера Поупа, когда посадочный трап выдвинется. При нормальных обстоятельствах традиция, что старшие по рангу были первыми, кто покидал малые суда Флота, особенно ее не беспокоила.

Но сегодня обстоятельства не были нормальными.

Терехов глянул через плечо, улыбнулся и покачал головой.

"Терпение, Хелен. Он никуда не денется."

"Не понимаю, о чем вы, сэр," - ответила она, когда ее лицо вспыхнуло румянцем.

"Я полагаю, что где-то в недрах инженерной секции и есть какой-нибудь энерготехник третьего класса, который не знает, что я имею в виду, юная леди," - сказал ей Терехов с искоркой. "Вы, однако, точно знаете, что я имею в виду. Или была какая-то другая причина, по которой вы

добыли увольнительную сегодня утром?"

"Нехорошо дразнить младших, сэр," - сказала она, признав поражение. "И, при всем должном уважении, вы, кажется, тоже ужасно озабочены предстоящей сегодня высадкой!"

"Виновен," - весело признал он. "Однако, ранг..."

"- имеет привилегии," - закончила она за него. "Да, сэр. Я думаю, что слышала об этом раз или два раньше."

"Полагаю, да." - согласился он. "Но -" Он замолчал, слегка наклонившись в сторону, когда выглянул в люк, а затем усмехнулся. "Я вижу, им наконец удалось найти рампу. Пожалуйста, помните о моих преклонных годах и не затопчите меня насмерть."

Были времена, подумала Хелен, когда молчание было золотом.

* * *

"Ох, Пауло, перестань дергаться!" - проворчала Шинейд Терехов.

Безбожно красивый энсин посмотрел на нее. Она не была необычайно высокой женщиной, но это все еще делало ее на шесть сантиметров выше, чем он. И на данный момент он выглядел значительно моложе своих двадцати пяти лет.

"Я в самом деле дергаюсь?" - спросил он с улыбкой.

"Можно сказать, что да," сказала она ему. "Но это такая очаровательная, щенячья нетерпеливость, которая на самом деле никого не волнует."

"Ой." Он поморщился, и она положила руку ему на плечо.

"Я просто поддразниваю тебя. Правда в том, что я думаю, что я почти так же счастлива за тебя и Хелен, как за нас с Айварсом."

"Я не знаю, куда мы с Хелен движемся" - сказал он с видом человека, старающегося быть скрупулезно честным с самим собой, а также с ней. "Я имею в виду, я знаю, куда я хочу, чтобы мы пошли. Но мы не виделись больше девяти месяцев. И я не...я имею в виду..."

"Я точно знаю, что ты имеешь в виду," - сказала она. "И не пытайся себя переделать. Вы оба служите во Флоте. Вы знаете о долгих отлучках, о задержках в коммуникации, о карьерном давлении." Она покачала головой. "Есть так много вещей, которые могут оказать давление на отношения каждого офицера, но вы оба точно знаете, что это такое. И правда в том, что вы оба довольно уравновешенные молодые люди. Ваши отношения будут идти своим чередом, и вы оба будете в порядке, где бы это ни было."

"Надеюсь, что так," - сказал он и улыбнулся с тем, что почти могло быть следствием застенчивости.

В течение путешествия "Чарльза Варда" от Мантикоры к Шпинделю Шинейд Терехов поставила перед собой цель завоевать доверие Пауло Д'Ареццо. Она давно поняла, насколько он важен для Хелен Зилвицкой, которая во многом была членом ее официальной семьи. И Пауло ответил, признавшись ей в том, в чем она сомневалась, что он когда-либо признавался кому-либо еще...кроме Хелен. Она точно знала, почему он так нервничал.

"Ты сделаешь -"

Она замолчала, когда высокий, светловолосый, голубоглазый мантикорский коммодор вошел в дверь зала быстрым шагом.

"Айварс!"

Она широко раскинула руки, а затем оказалась в его объятиях, и любой след беспокойства, который она могла почувствовать по поводу его реакции на ее прибытие сюда в Монтану, исчез в силе его поцелуя.

* * *

Хелен смотрела, как миз Терехов влетает в объятия мужа, и почувствовала мгновенный прилив счастья за них обоих. Но ее внимание было направлено не на них. Она смотрела на светловолосого, сероглазого молодого человека, стоящего прямо за ними. Она запнулась лишь на мгновение, когда увидела его собственными глазами впервые за три четверти года, но затем она увидела почти задумчивый краешек его улыбки приветствия, и ее колебание исчезло.

"Эй, энсин Д'Ареццо," - сказала она с широкой улыбкой, протягивая ему обе руки. "Сколько лет, сколько зим."

"По крайней мере, я старался писать," - сказал он, сжимая ее руки в своих, его серые глаза пожирали ее лицо.

"Да. Это ставит тебя на метр или около того выше большинства людей с Y-хромосомами," - признала она.

Они несколько секунд стояли, все еще держась за руки, и смотрели друг на друга, а потом Пауло слегка дернул головой.

"Ты знаешь, мы с тобой больше не в одной цепи командования," - указал он.

"Нет? Правда?" Ее глаза блестели. "Есть ли в этом какое-то особое значение?"

"Вообще-то, есть," - сказал он, и её глаза расширились, когда он выпустил её руки и обвил её своими руками. "Я всегда ненавидел статью Один-Девятнадцать," - сказал он, и его голос был более хриплым, чем секунду назад, а потом его губы встретились с её.

* * *

"Я не знаю, что лучше - почувствовать разочарование или облегчение", - сказал капитан сэр Прескотт Тремейн, когда КЕВ Алистер МакКеон ускорился к гипергранице системы Голем.

"В любом случае, мы захватили еще несколько солли, сэр," - заметил унтер-офицер 5 класса сэр Горацио Харкнесс. "Даже не пришлось убивать никого из них. Такое приятное разнообразие."

"Не в этот раз," - согласился Тремейн.

Единственным присутствием ФСЛ в Големе была пара безнадежно устаревших эсминцев, горстка чисто субсветовых таможенных судов и две эскадрильи трансатмосферных истребителей. И, как только что заметил Харкнесс, их старший офицер проявил здравомыслие, когда это увидел.

Однако правда заключалась в том, что использование такой сильной структуры, как Оперативная группа 10.2.9 для ликвидации такой ничтожной силы, представляло собой грубое недоиспользование ресурсов. И несмотря на анализ, который предполагал возможность беспорядков в Големе, никто на планете не пытался связаться с ним - или с кем-либо из персонала, которого он отправлял на поверхность, под тем или иным предлогом - с просьбой о помощи флота. После трех локальных дней на орбите он был вынужден сделать вывод о том, что Мезанское Соглашение не обрабатывало почву в Големе.

Во многих отношениях это было огромным облегчением. Но, как он только что намекнул Харкнессу, это также было разочарованием.

Знаешь, после стольких лет беготни с леди Харрингтон, ты действительно должен начать понимать, что скука - это хорошо, Скотти, сказал он себе.

Ну, возможно, он должен. Но он знал истинную причину такого неоднозначного своего отношения. Никто не знал, что могло произойти в других звездных системах, пока он бесполезно дрейфовал на орбите вокруг единственной обитаемой планеты системы Голем.

"Хорошо!" Он выпрямился и отвернулся от изображения медленно угасающей планеты на визуальном дисплее. "Я чувствую потребность в некоторых упражнениях, Горацио! Что-то, чтобы держать наших людей в напряжении. Какой-нибудь... вызов."

"О, я полагаю, что командер Гольбатси и я сможем что-нибудь придумать, сэр," - заверил его штабной офицер радиоэлектронной борьбы.

"Я знал, что могу положиться на тебя." Тремейн ласково положил руку на широкое мускулистое плечо Харкнесса. "И посмотрите, не хочет ли капитан Селлек внести свой вклад в смесь. У нее есть эта мерзкая жилка коварства."

"Это мне больше всего нравится в флаг-капитане, сэр," - согласился Харкнесс с огромной улыбкой. "Я просто начну с этого."

"Хорошо," - сказал Тремейн, хлопнув его по плечу.

Затем он отступил, наблюдая, как Харкнесс пересекает мостик Алистера МакКеона. Уоррент-офицер что-то сказал Адаму Гольбатси, и операционист поднял глаза и рассмеялся. Он указал на свою консоль, и Харкнесс уместился в кресле рядом с ним, когда эти двое начали набирать числа.

Он мог доверить им придумать что-нибудь... подходящее, весело подумал Тремейн. Он также действительно попросил бы Мэри-Линн Селлек произвести небольшую тонкую настройку после того, как они все сделают. И это дало бы им шанс обойти тактику, которую Харкнесс окрестил "баррикадой" после того, как Тремейн предложил ее ему. Вряд ли это будет полезно много раз - конечно, не тогда, когда другая сторона поймала их на этом, - но, основываясь на предварительных отчетах о флоте Массимо Филареты в Мантикоре, это может быть очень неприятным сюрпризом в первый раз, когда они это применяют. Даже если логика этого не работает при использовании ее в симуляторах, обучение всегда было полезно.

Кроме того, это поможет им провести восемь дней до следующего пункта назначения.

* * *

Сэр Айварс Терехов вышел из внутрикорабельной машины и тяжелым, целеустремленным

шагом прошел по коридору вслед за лейтенантом-хевенитом. На его лице не было никакого выражения, но его глаза были, как синий лед.

Он последовал за молодым лейтенантом с прямой спиной и аксельбантом флаг-лейтенанта за последний угол, и она остановилась у закрытой двери. Оглянувшись, она протянула руку и нажала клавишу связи у двери.

"Да?" - прозвучал вопрос.

"Коммодор Терехов прибыл, сэр," - ответила она.

"Спасибо, Берджуи," - проговорил голос, потом дверь распахнулась, и темнокожий голубоглазый лейтенант отошла в сторону и вежливо махнула рукой Терехову, чтобы тот прошел.

Он двинулся вперед тем же жестким шагом, затем остановился и посмотрел на своего проводника.

"Спасибо, лейтенант," - сказал он. "Я ценю вашу помощь... и любезность."

Было бы крайне неточно называть его голос теплым, но ее синие глаза - гораздо более темные, чем его, но такие же холодные, - слегка смягчались.

"Всегда пожалуйста, сэр. Это было честью для меня," - ответила она, и он кивнул и продолжил движение.

Каюта за дверью была несколько меньше, чем дневная каюта мантикорского флаг-офицера с супердредноутом в качестве флагмана. Она также была просто, но удобно обставлена, хотя очень немногие из этих предметов мебели имели вид постоянной, которая прикреплялась к владениям космического офицера с течением времени. Терехов был знаком с таким отсутствием. Он испытал то же самое после разрушения КЕВ Дефиант.

При этой мысли его рот сжался, но он продолжил движение по палубе, подойдя к офицеру, ожидавшему его с протянутой рукой. На мгновение Терехов почувствовал непреодолимое искушение игнорировать эту руку.

Он действительно не осознавал, насколько глубоки раны Гиацинта, даже по истечении времени, пока он не достиг Монтаны и не узнал, кто теперь командует звездной системой. Теперь, однако, он знал. Узнал, когда почувствовал гнев и ярость, кипящую в его крови.

Чистая страсть его эмоций поразила его. Он знал в течение Т-месяцев, что Республика Хевен стала союзницей Звездной Империи Мантикора. Он встретил эту новость с очень смешанными чувствами. Он слишком хорошо знал, как отчаянно Мантикора нуждалась в союзниках, но раненая часть его закричала в пламенном протесте при одной только мысли о союзниках-хевенитах. В конце концов, это осознание необходимости - и, хотя он боролся, чтобы противостоять ему - соответствующее осознание того, что Хевен добровольно объединился со Звездной Империей, даже перед лицом огромной силы Солнечной Лиги, победило протест.

Или во всяком случае он так думал.

"Коммодор Терехов," - сказал человек, ожидавший его, когда их руки встретились.

"Адмирал Турвиль," - ответил он.

Рукопожатие адмирала было сильным, крепким, и глаза его встретились с глазами Терехова. Древесный кот на плече Турвиля изучал Терехова так же тщательно, его голова наклонилась в сторону, его уши поднялись, и самый кончик его хвоста медленно сворачивался и разворачивался.

"Спасибо, что пришли," - сказал Турвиль, махнул Терехову в сторону одного из кресел в каюте. "Я знаю, что вы буквально только что вернулись в Монтану, и я извиняюсь за то, что забрал вас от вашей жены, но я чувствовал, что было бы лучше для нас встретиться наедине, прежде чем мы столкнулись бы друг с другом в официальной обстановке."

"Понимаю." Терехов сел в указанное кресло. "Должен ли я считать, сэр, что на то была особая причина?"

"Да, конечно."

Голос Турвиля был ровным, и Терехов почувствовал, как его лицо покраснело. Ровный тон хевенита отметил укол, от которого он не смог удержаться. И это признание, отказ Турвиля позволить любому ответному выпадку окрасить его ответ, было его собственным выговором.

Не совсем от Турвиля, понял он, а от себя, когда он осознал огромный контраст между его собственными эмоциями и хладнокровным отсутствием невежливости адмирала.

Он глубоко вдохнул.

"Прошу прощения, сэр," - сказал он. "Это вышло более ... конфронтационно, чем я предполагал."

"Извинения излишни."

Турвиль сел в кресло напротив. Древесный кот переместился с плеча на спинку кресла, и адмирал погладил усы указательным пальцем.

"Я знаю о вашем опыте при Гиацинте... и после. Я знаю, что случилось с вашими людьми." Он сказал это тем же ровным голосом и покачал головой, выражение его лица стало мрачным. "В сложившихся обстоятельствах я не могу - и не буду - винить вас за любой гнев или враждебность, даже ненависть, которую вы чувствуете. Я тоже терял мужчин и женщин, которые были важны для меня, но мне посчастливилось сражаться со Звездным Королевством Мантикоры, а не с Народной Республикой Хевен. Я знал, что к любому из моих людей, которые стали военнопленными, будут относиться сострадательно и с уважением. И мое самое большое сожаление, мой глубочайший позор, был в том, что я также знал, что любой из ваших людей, которые стали военнопленными, не будет иметь такой уверенности. То, что ваши люди вынесли после Гиацинта, было намного хуже, чем пережило большинство. Однако такая ситуация не является уникальной. И одна из причин, по которой я хотел встретиться с вами, это лично извиниться перед вами за это. Я знаю, как ... неадекватно это звучит, но это меньшее, что я могу сделать, и большее, что я могу предложить."

Терехов сидел, глядя на другого человека, затем бросил взгляд на древесного кота. Прячущийся в Ветвях смотрел на него таким же ровным взглядом, как и у Турвиля.

"Теперь моя очередь чувствовать стыд, сэр," - сказал он. "Стыдно, что не могу справиться со своими эмоциями. Я знаю, что лично вы не имеете никакого отношения к тому, что Государственная Безопасность сделала с моими людьми. Я знаю почти наверняка, что никто из находящихся в настоящее время под вашим командованием не делал этого. Но я бы солгал,

если бы притворился, что во мне больше нет той злости, той ненависти, что витает во мне. Больше, чем я себе представлял. Бог знает, я видел достаточно сражений, убил достаточно других людей, чтобы знать, что это случай выполнения вашего долга из разряда убей, или будь убитым. Но она все еще существует." Он покачал головой, предложив Турвиллю ту же честность, которую ему только что предложил тот. "Она все еще там, и я не знаю, исчезнет ли она когда-нибудь."

"Этого не должно быть", - просто сказал Турвилл. "Надеюсь, когда-нибудь утихнет боль, но гнев? Нет." Он отрицательно покачал головой. "Этого не случится. Вы должны передать гнев своим людям, коммодор. Вы должны сделать это ради себя. И в каком-то смысле, вы должны это Республике Хевен."

Терехов удивился, и Турвилль усмехнулся. Это был мягкий звук, в котором было очень мало веселья, и он снова покачал головой.

"В ближайшие десятилетия будут некоторые хевениты, которые тоскуют по дням славы. Люди, у которых были удобные ниши в Народной Республике. Или те, которые никогда не преодолеют тот факт, что ваш флот выбивал дерьмо из нас снова и снова ... и по дороге убил много их сыновей и дочерей, братьев и сестер. Люди, которые посмотрят на число звездных систем, которые воспользовались гарантией президента Причарт на самоопределение и покинули Республику, и посчитают, что это ... уменьшило нас. Сделало нас меньше, чем мы были.

Эти люди опасны, коммодор Терехов. Возможно, не сейчас, пока мы ведем активные действия против Лиги. Но в конце концов, когда давление ослабнет, некоторые из них выползут из тени. По крайней мере, они будут отрицать, что Народная Республика была так плоха, как люди говорят, и у них будет гарантированная свобода слова, чтобы сказать это. Они обелят преступления, зверства, и когда они это сделают, они сделают все возможное, чтобы отвергнуть любую длительную ответственность за них.

"Черт возьми, в каком-то смысле у них будет оправдание. Не для себя, не для преступников, которые на самом деле совершили эти зверства, а для Хевена. Для моей звездной нации и всех достойных мужчин и женщин, которые пытаются построить то, что было до того, как законодатели превратили нас в Народную Республику. Но вот в чем загвоздка, коммодор. Если мы позволим им уйти, отрицая правду, какой бы болезненной она ни была для нас, мы не сможем добиться того, что было раньше. Гниль, язва, все еще будет там, и если мы не встретим это лицом к лицу, тогда мы ломаем веру не только таких людей, как вы, которые пострадали от этих зверств, но и наших собственных детей...и нас самих.

Так что держитесь за этот гнев. Я надеюсь, что вы сможете направить его на людей, которые действительно этого заслуживают, но никогда не вините себя за это."

Глаза Терехова становились все больше, пока Турвилль говорил, и он вспомнил, что сказала ему Шинейд. Пыталась сказать ему, на самом деле, потому что гнев - ярость - горели в нем слишком сильно, чтобы он мог услышать ее. Единственный раз он отверг то, что она так старалась ему сказать, и он почувствовал свежий и совсем другой ожог стыда, когда признался в этом себе.

"Простите, что спрашиваю об этом, сэр," - наконец сказал он, "но верно ли, что вы заседали в трибунале Сибурга?"

Турвилль заметно колебался, прежде чем ответить, но потом ноздри его раздулись.

"Да. Да, это так. И как я сказал вашей жене, я глубоко сожалею, что нам потребовалось

сколько времени, чтобы освободить эту систему, и сколько людей, которые должны были предстать перед судом, избежали ареста, прежде чем мы добрались туда."

"Полагаю, у вас с адмиралом Тейсманом были и другие мелкие проблемы. Что-то связанное с победой в гражданской войне." Терехов был удивлен неподдельным юмором, который придавал остроту его тону, и Турвиль слегка улыбнулся в усы. "Сибург не был стратегически важной системой, поэтому я полагаю, что для вас было неразумно не беспокоиться о выживании вашей звездной нации в первую очередь. И по крайней мере, когда вы освободили систему, вы не позволили тараканам, которые все еще были там, разбежаться по углам."

"Мы старались не допустить этого." Турвиль глубоко вдохнул. "В то же время я должен признать, что мы не смогли довести судебные процессы до того итога, которого адмирал Тейсман, или я - или президент Причарт - хотели бы достичь. Слишком много людей смогли обелить себя, утверждая: "Я только выполнял приказы, которые были - черт возьми - легальными, когда их отдавали". Выражение его лица стало мрачным. "Я знаю, что десятки - сотни - ублюдков, которые использовали эту защиту, должны были встать к стенке, но мы не смогли отправить их туда. Если бы мы начали вилить или стрелять в людей без абсолютного доказательства правонарушений, которые не были "законными", когда это было сделано, мы были не лучше, чем Государственная Безопасность Сен-Жюста или Внутренняя Безопасность Палмер-Леви, а нам нужно было быть лучше, чем они были. И это означает, что сегодня в республике есть люди, которые так же виновны, как и любой из ублюдков, которых мы казнили в Сибурге."

"Аккуратные резолюции, где добро и свет торжествуют, а все виновные наказываются, бывают только в плохой фантастике, адмирал," - сказал Терехов.

"Это, к сожалению, правда. И когда вы пытаетесь вычистить выгребную яму, такую как в Народной Республике, есть очень много "виноватых", о которых можно забыть. Я думаю, не слишком удивительно, что некоторые из них скользят вниз по канализации, прежде чем с ними получается справиться, но от этого не становится лучше, когда все происходит."

Терехов кивнул и откинулся на спинку кресла. Это было странно. Он вошел в эту каюту, осознавая только свой гнев, и горе и боль, которые все еще подпитывали его. Он пришел, понял он сейчас, не потому, что он действительно ожидал, что с этим справится, но почти чтобы ... принять это. Чтобы проверить это и доказать, что он прав, чтобы продолжать это чувствовать. И он это почувствовал. Мало того, он знал, что Турвиль прав, что он должен продолжать это чувствовать. Но этот гнев каким-то образом изменился. Он все еще был там, все еще так же силен, но он потерял эти раскаленные до когти мстительной ненависти. И вместо той сфокусированной горячей ярости, которую он чувствовал, думая о службе под командованием Лестера Турвиля, получении приказов от кого-то, кто бы боролся так хорошо и так сильно для Народного Флота - адмирала, который почти полностью уничтожил Домашний Флот - теперь он чувствовал почти чувство . . . родства.

Это была не дружба. Пока нет, во всяком случае, и он не знал, станет ли это когда-нибудь дружбой. Тем не менее, даже это было монументальным изменением в основе его гнева, потому что пятнадцать минут назад он бы знал - определенно, вне всякого противоречия - что этого не может быть, что все было иначе. А еще...

Он думал о молодом лейтенанте, которая сопровождала его в каюту Турвиля, и кое о чем другом, о чем ему сказала Шинейд. То, в чем он был абсолютно уверен, было ложью. Теперь он понял, что часть его, которая должна была продолжать ненавидеть, отвергала еще более яростно знание о том, что Турвиль заседал в военном трибунале Сибурга.

"Я хочу задать вам вопрос, сэр," - услышал он себя. "Прежде чем я это сделаю, я хочу, чтобы вы поняли, что, спрашивая, я нарушаю конфиденциальность. Возможно, через вторые руки, но все равно нарушаю. Я надеюсь, вы подумаете о причине, по которой я спросил, когда будете иметь дело с возможными последствиями этого нарушения."

Он замолчал, зная, что Турвиль должен осознать то, о чем он говорит, и хевенит сел очень прямо, прикрыв глаза. Затем он глубоко вздохнул.

"Задавайте, коммодор," - сказал он.

"Адмирал, я хочу, чтобы вы знали, что я верю каждому вашему слову. Я также хочу, чтобы вы знали, что то, что вы сказали, и то, как вы это сказали, пошатнуло во мне знание о многих вещах, о которых, как я думал, я знал. Итак, я хочу спросить вас, что на самом деле произошло на флагманском мостике Графа Тилли в день, когда Цепеш взорвался на орбите Цербера."

Турвиль застыл, и выражение его лица превратилось в камень. Несколько секунд он ничего не говорил, затем осторожно положил руки вдоль подлокотников кресла, склонил голову и произнес одно слово.

"Берджуй."

"Да, сэр," - спокойно подтвердил Терехов. "Очевидно, она предана вам. Я не мог следовать за ней всю дорогу от причального отсека, и не осознать этого. И," - он слабо улыбнулся " - у меня был собственный опыт общения с верными флаг-лейтенантами. Но да, она сказала Шинейд, потому что у Шинейд флот в крови... и потому что она любит меня. Она не собиралась прощать ни одного родившегося хевенита за то, что случилось с моими людьми. Не конкретно на Гиацинте, но впоследствии, на Сибурге. Лейтенант Лафонтен осознала это, и потому, что она предана вам - и, вероятно, потому, что она не может служить так близко к вам, как она это делает, не сознавая чувства и мысли, которыми вы только что поделились со мной - она нарушила ваше доверие... точно так же, и по многим тем же причинам, как я сейчас нарушаю ее."

"На самом деле, я никогда не говорил ей, что никому нельзя рассказывать," - сказал Турвиль очень-очень тихо, отводя взгляд от Терехова в первый раз с тех пор, как мантикорец вошел в его каюту. "Поэтому я не думаю, что кто-то может обвинить ее в нарушении конфиденциальности. Но я никогда не собирался никому рассказывать."

"Могу ли я спросить, почему нет, сэр?"

"Много причин, некоторые из которых, я уверен, я и сам не знаю." Турвиль оглянулся на него. "Потому что это кажется эгоистичным, я полагаю. И потому что есть... история между мной и герцогиней Харрингтон." Он отрицательно покачал головой. "Мы причиняли друг другу боль больше, чем хотелось бы. Я не виню ее за это, и я не думаю, что она винит меня... сейчас. Но сразу после битвы при Мантикоре мы оба винили друг друга. Я не собирался говорить ей тогда, и если я скажу ей сейчас, это прозвучит... я не знаю. Хвастливо? Как кто-то пытается доказать свое моральное превосходство? Кроме того, нет никаких доказательств того, что случилось. Если бы они были, Госбезопасность сделала бы все, чтобы я был мертв!" Он снова коротко улыбнулся. "Вы должны быть осторожны, делая заявления о своей собственной предполагаемой смелости и великолепной морали, когда они будут не только казаться эгоистичными, но и невозможными доказать обратное."

"Но вы стерли эти тактические данные, не так ли?" Вопрос Терехова был еще мягче, чем голос Турвиля, и его голубые глаза были странно мягкими.

"Если бы не я, это сделала бы Шеннон Форейкер," - сказал хевенит через несколько секунд. "Я не мог позволить ей сделать это. Это была не ее ответственность, а моя. И не делайте ошибку, commodor Терехов. Я сделал это не потому, что я такой благородный, героический парень. Если на то пошло, я сделал это не только потому, что это было правильно. Я сделал это, потому что мне было стыдно." Его сильный, уверенный голос дрогнул, наконец, стал хриплым, и он резко покачал головой. "Я стыдился своей звездной нации, стыдился своего начальства, стыдился того, что должно было произойти - того, что, как я знал, уже произошло на пути к Церберу - с благородной, невинной женщиной, и стыдился того, как флот - мой флот - превратился в палачей Корделии Рэнсом. Мы были лучше, чем это. Должны были быть. И вот, как раз в тот раз, так и было."

Древесный кот на спинке стула Турвиля наконец зашевелился. Одна длиннопалая рука протянулась и очень нежно коснулась щеки адмирала, и зеленые, травянистые глаза встретились с глазами сэра Айварса Терехова. А потом, медленно, Прячущийся в Ветвях кивнул.

Но Терехову не нужно было подтверждения - не об этом человеке - и он поднялся из кресла и встал лицом к Турвилю.

"Нет," - тихо сказал он. - "Не только в тот раз, адмирал Турвиль. Вы сделали это, потому что вы всегда были лучше. Я сомневаюсь, что когда-нибудь смогу освободиться от гнева, который, как вы думаете, я должен продолжать чувствовать, но если быть честным, большая часть силы этого гнева, вероятно, вина. Вина выжившего, потому что мои люди не просто умирали, пока я выживал. Они погибли, сражаясь по моему приказу, сражаясь за меня, и гораздо безопаснее сосредоточиться на людях, которые их убили, чем на человеке, который командовал ими, когда они умерли на Гиацинте и даже не мог быть с ними на Сибурге."

"Но Шинейд была права. Какой бы ни была Народная Республика Хевен, и какими бы ни были некоторые из людей, которые служили ей, некоторые из них были действительно выдающимися людьми, даже тогда. И -" - он еще раз протянул руку, выражение его лица сильно отличалось от того, которое было вначале, "для меня большая честь встретить одного из них сегодня днем."

<http://tl.rulate.ru/book/10132/284810>